

А затем пошли старшие классы: восьмой, девятый, десятый. Кончилась пионерская жизнь, началась комсомольская.

В восьмом классе я сдружился с Толькой Волосовичем. Отец его был директором рыбоконсервного комбината, симпатичный усатый дядька. Мать - худенькая женщина, окончила вместе с мужем Астраханский рыбный институт, но в то время не работала, растила детей. У Тольки был брат Витька, младше его на два года, учился в одном классе с моей сестрой Любой и в старших классах ухаживал за ней, и сестра Таня, примерно Милочкиного возраста.

Чем Толька привлекал меня - трудно объяснить. Учился он неважно и после восьмого класса пошёл работать на завод. Правда, потом он кончил техникум, то ли вечерний, то ли заочный, и даже, вроде, институт. Был комсомольским деятелем, и, как рассказывала Алла Медведева во время нашей встречи одноклассников 1 февраля 1981 года, вырос в "большого", весьма уверенного в себе человека, склонного поучать.

Почему же он мне нравился, несмотря даже на такие идиотские выходки вроде как ткнуть неожиданно в солнечное сплетение и ржать, глядя как ты задыхаешься?

Наверное, независимостью характера, смелостью, иногда даже наглостью. Я из-за своей близорукости ощущал некоторую неполноценность очкарика, к тому же был слабоват физически, и меня тянуло к крепким, решительным парням, без колебаний лезущим в драки, дерзающим учителям и родителям. Такими были Комаров, Краснопольский, Мишка Савловский, в какой-то степени (без наглости) Толька Скрябин. К этой категории можно отнести и Тольку Волосовича, но в нём не спали и зачатки интеллекта, поэтому мне с ним было нескучно, можно было и за жизнь разговаривать. Главное же, наверное, было в том, что и он ко мне тянулся, первое условие для дружбы - ничем не оговоренная взаимность.

В свободное время мы с Толькой слонялись по городу и разговаривали о том, о сём. Мечтали, например, как когда-нибудь в будущем поедем (с семьями!) в путешествие по Кавказу на собственных машинах. С Толькой я впервые приобщился к вину. Мы покупали бутылку какой-нибудь наливки - "Клубничной", "Сливянки" или "Спотыкача" и распивали её где-нибудь в Парке Калинина или в парке за улицей Дмитрия Донского, расположившись чаще всего на одном из немецких надгробий, которых полно было в этих парках. Оба этих парка и парк между проспектом Мира (тогда Сталинградским), проспектом Победы и Яблоневого аллея представляли собой огромные заброшенные немецкие кладбища с множеством памятников и надгробий среди вековых каштанов, лип, вязов. В шестидесятых годах от могил не оставили и следов, но материал не пропал, мраморные и гранитные плиты с новыми, русскими надписями перекочевали на новые, советские кладбища, и стоила каждая такая плита под тыщу рублей...

Тогда же я стал и покуривать, хотя и не систематически. Толька же курил вовсю. От выпитого сладкого вина мы несильно хмелели, просто становились веселее, дурачились. Как-то шли в кино, в "Победу". По дороге решили покататься на "тарзанке" - верёвке с перекладиной, привязанной к суку дерева над ручьем, протекавшим в районе Яблоневого аллея. Я не набрал достаточной скорости, чтобы перелететь через ручей и повис над ним почти параллельно воде, зацепившись ногами за берег. Я вопил, призывая Тольку вытащить меня за ноги на сушу, поскольку дело было в марте и купаться меня не тянуло. Толька же надрывался со смеху и дождался таки, когда я свалился в воду. Намочил я, правда, только штаны, так и сидел в мокрых в кино, куда мы, конечно, всё равно пошли.

Через Тольку я познакомился с Галкой Петровой, подругой Иры Родионовой. Ира училась до восьмого класса вместе с нами, а после восьмого поступила в медучилище. Была она длинная, тонкая с лицом мулатки, и меня ничем не привлекала, а Тольке, видимо, нравилась. Раза два мы с ним ходили по вечерам к ней в гости (она жила вдвоём с

мамой) пить чай. Такое времяпровождение - в гостях у знакомой девочки мне было в новинку и безусловно понравилось, чему, конечно, способствовало тёплое отношение к нам Ириной мамы.

Галка Петрова и Толька Волосович, весна 1960 г.

Как-то, кажется на Толькином дне рождения, в числе гостей оказалась незнакомая мне широколицая весёлая девушка, которая представилась Аней, но добавила, что вообще-то её дома зовут Галкой. Она училась вместе с Ирой в медучилище, была на год старше меня, ровесница Тольки. Понравилась Галка мне сразу, и в тот же вечер я провожал её домой. Жила она с мамой и тремя старшими сёстрами в двухэтажном особняке на улице Кутузова. Её отчим, военный врач, которого она очень любила, незадолго до того умер от инфаркта. В семье было пятеро детей - дети матери и отчима от первых браков и совместные дети жили очень дружно. Сквозь Галкину общительность и весёлость ещё часто прорывались отзвуки пережитого горя, она искала сочувствия, я, как мог, старался откликнуться. То есть, я слушал её рассказы об отчине, и был внутренне очень горд, если не счастлив, что такая хорошая, малознакомая девушка делится со мной своими переживаниями, как с другом.

То, что я тогда ощущал, было именно стремлением к дружбе, не грубой - как с Толькой, а тёплой, отзывчивой, задушевной. Мы и подружились. Я ходил к Галке домой, познакомился с её мамой и сестрами. Относились ко мне все очень приветливо. У Галки была своя комната на первом этаже, рядом с гостиной - там мы и просиживали с ней вечера, остальные все жили наверху. Познакомились мы с Галкой (поначалу я чаще называл её Аней) где-то в конце пятидесят восьмого года (девятый класс), а весной я уже ходил к Галке настолько часто, насколько позволяли у меня дома, дня через два, а то и через день, и засиживался настолько допоздна, что часто моя мама встречала меня дома оплеухами за "ночные болтанки" - мама больше всего боялась, что меня отлупят хулиганы, что тогда было вполне обычным явлением.

(продолжение следует)